

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
ГОРОДОВ РОССИИ: ОНОМАСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

CHANGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF RUSSIAN TOWNS:
ONOMASTIC CATEGORIZATION

АНТОНИНА ЩЕРБАК

ABSTRACT. The process of lexical-semantic change in modern Russian manifests itself in the modernization of the onomasticon of towns. The names of particular objects in towns convey different kinds of information, which reveal the preferences of “the person who gives a name” and which involves a search for a new, original name. Among such names are title names and onyms (for example, the shops “Pyaterochka” and “Don Zhuan” or the grand hotel “Europe”).

The language of the modern Russian town shows that onomastic terminology is of foreign origin, which is testimony to the fact that the sphere of object naming in post-Soviet times is free from ideological control.

The ontological essence of the Russian language’s onomastic system is reflected in people’s consciousness. To put it simply, the emergence of a new onomastic category and terms helps to create a new perception of the names of objects in towns in society’s consciousness.

Антонина Щербак, Тамбовский университет им. Г.Р. Державина, Тамбов – Россия.

Известно, что урбанонимы как языковые единицы обладают способностью к хранению общественно-исторического опыта культурной информации. По мере того как внутригородские объекты подвергались различным перестройкам и реконструкциям, их названия также подвергались переосмыслению, культурной и идеологической переоценке и преобразованию [Суперанская 2007: 128].

В настоящее время облик современного города России отличается многообразием названий как следствие, прежде всего, „идеологического освобождения сферы наименования объекта от идеологического контроля” [Агеева, Соколова 2012: 316]. Между тем городская топонимическая система – это

исторически сложившаяся, определенным образом внутренне организованная совокупность топонимов на территории города, которая характеризуется общностью историко-культурных, этнических, смысловых и словообразовательных моделей [...]. Она является ценной частью историко-культурного ландшафта каждого исторического города России [Горбаневский 2010: 20].

Наименования улиц, переулков, площадей любого города рассказывают нам о многом: одни названия о характере расположения по отношению к другому объекту, другие – об особенностях растительного мира той или иной местности, где расположена улица, третьи – о приметах быта жителей.

Некоторые из названий напоминают нам о событиях, связанных с возникновением улицы, и все названия свидетельствуют о меткости и эмоциональности языка людей, создавших эти названия. Так, обращают на себя внимание городские топонимы в поэме М.Ю. Лермонтова *Тамбовская казначейша*, в которой великий поэт правдиво, в ярких художественных образах показал жизнь провинциального Тамбова начала прошлого века. В журнале „Современник” поэма появилась в 1838 году под названием *Казначейша*. Слово „Тамбовская” по цензурным соображениям было снято. Название города в самом тексте тоже заменено буквой „Т” с точками. Читатели поэмы узнают, что в Тамбове есть три улицы прямые и два трактира – „один «Московский», а другой «Берлин»”.

Урбанонимия не является закрытой системой и имеет свойство постоянно обновляться и пополняться новыми элементами. В качестве основы для новых ономастических единиц могут быть использованы любые лексико-семантические и тематические группы слов или любые онимы, которые будут выступать мотивирующими единицами для новых онимов. Любая лексическая единица в силу тех или иных причин может получить статус онима, не утрачивая при этом статуса имени нарицательного или общей производящей основы имени нарицательного и имени собственного.

Процессы лексико-семантических изменений в современном русском языке находят яркое отражение в обновлении лексики городского ономастикона. Наименования городских объектов несут в себе самую разнообразную информацию, подчеркивая предпочтения „имядателя”, постоянно пребывающего в поисках нового оригинального наименования, включающего и термин и оним (типа магазин „Пятёрочка”, аптека „Дон Жуан” или Гранд Отель „Европа”).

Поскольку любая географическая единица входит в ономастическое пространство и являет собой объект членения окружающего мира независимо от того, на основе каких критериев выделяется такая единица, можно говорить об ономастическом пространстве региона, например, в границах губернии в соответствии с политико-административным делением Российской Империи в XVIII – начале XX века, можно говорить об ономастическом пространстве современного города.

Такой подход открывает возможность для комплексного описания топонимики территории как относительно самостоятельных, но связанных друг с другом классов онимов в их взаимосвязях.

Онтологическая сущность ономастической системы русского языка осуществляется через ее отражение в сознании. Иными словами, появление сегодня новых ономастических единиц и терминов способствует формированию нового представления о месте городских наименований в общественном сознании.

Трудности, возникающие при обсуждении онтологии имен собственных и их места в языке, во многом обусловлены тем, что недостаточно осмыслена роль имени собственного в человеческом обществе с позиций когнитивной парадигмы. Назвать что-либо – значит не только представить конкретный субъект или объект через посредство вербального знака, но и репрезентировать конкретное знание. Имя собственное, обозначая предметы действительности, уже отражает мысль о предмете и стремится передать концепт, содержащий особый тип знания о названиях реалий окружающей среды, и служить средством связи с реальной действительностью.

Учитывая масштабы развития когнитивной лингвистики на современном этапе, рассмотрение вопроса о когнитивной природе имени собственного представляется чрезвычайно перспективным, поскольку ономастика в целом отражает способы обработки и хранения информации с помощью языковых знаков. Необходимость изучения урбанонимов в когнитивном аспекте обусловлена прежде всего тем, что ономастика играет огромную роль в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе ее становления, а также поиском способов представления ономастических знаний о национальной и территориальной особенности языка, углубленным вниманием к изучению форм моделирования языкового сознания. Специфика когнитивного подхода заключается в обращении к проблемам ономастики с позиции человеческого сознания, а также в наличии связи речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками, что позволяет выяснить, как ономастические единицы отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке.

В системе наших рассуждений концептосфера урбанонимов служит средством хранения и передачи двух типов знания: неязыкового знания о мире и его категориях и собственно языкового знания, знания языковых значений и категорий. Речь идет о том, что имя собственное является средством объективации явлений действительности: выполняя основные языковые функции (номинативную, выделительную и дифференцирующую), оно являет собой результат познания действительности.

В связи с этим в концептосфере урбанонимов проявляются два аспекта ее онтологии. Во-первых, совокупность всех групп ономасти-

ческой лексики (статический аспект), т. е. у ее пользователей есть общий фонд знаний. Во-вторых, функционирование единиц и употребление их в высказываниях (динамический аспект), представляющее собой языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания (вся совокупность названий в любом ономастическом пространстве оказывается живой в памяти жителей старшего и среднего возраста).

Человек, отражая в процессе своей деятельности объективный мир, фиксирует в языке знания о конкретных и естественных предметах, реалиях, явлениях и их характеристиках, т. е. конкретно-предметный уровень категоризации действительности. Разделение имен собственных на группы, подгруппы, классы, подклассы, разряды, кластеры и т. д. на этом уровне носит механический характер, оно заложено в сознании человека, в пресуппозиции говорящего как определенный минимум заранее известной человеку информации. Речь идет о том, что имена собственные всегда призваны называть, сохранять свое назывное отношение к классу объектов и способствовать мысленному отнесению объекта к определенной категории (субъект, объект, пространственная ориентация).

В связи с этим выявляется особенность ономастической категоризации, которая заключается в том, что она повторяет в языке структуру и содержание категорий естественных объектов, т. е. формирует логическую (онтологическую) модель категоризации мира. Соответственно, значения объединений назывных слов отражают категоризацию конкретных объектов.

Таким образом, ономастическая категоризация – это знание категорий объектов и их названий, а также и сам процесс отнесения тех или иных объектов к ономастической категории, включая присвоение им соответствующих названий. В связи с этим имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет собой как бы точку соприкосновения языкового и неязыкового планов. Значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте. В состав языковой части значения имени входят и особые мотивы именования, специфика существования имени в языке, его современное восприятие, история имени и его этимология. В состав неязыкового аспекта значения имени входят особые условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно-исторические ассоциации, специфика связи имени с именуемым объектом, степень известности объекта и его имени [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 2007].

Результатом ономастической категоризации является формирование различных категорий, которые отражают общие принципы орга-

низации концептосферы онимов, принципы кодирования смысла и их передачи с помощью языка. В основе ономастической категоризации как ментального процесса классификации окружающей действительности лежат ономастические концепты. Термин „ономастический концепт“, в нашем понимании, – **это особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности.** Ономастический концепт является универсальной единицей хранения и передачи ономастической информации, при помощи которой осознается и структурируется полученное знание. Он встраивается в концептуальную систему языка, являясь неотъемлемой частью языковой картины мира [Щербак 2012: 37–38].

В связи с этим категоризация имен собственных обусловлена тем, какими ономастическими знаниями мы владеем, каким образом говорящий знает, к какому предмету можно отнести то или иное имя собственное, о каком объекте идет речь, к какой категории оно относится (это название *города, улицы, площади* или это название *реки, ручья, озера*).

Одним из фундаментальных процессов мыслительной деятельности человека, тесно связанным с категоризацией, является концептуализация. Она направлена на „членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление“, на „выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении“ [Кубрякова 2004: 319].

При концептуализации происходит мысленное конструирование субъектов /объектов окружающего мира, которое ведет к формированию определенных представлений о мире в виде концептов. Иными словами, концептуализация – это процесс формирования единиц знания, т. е. концептов. Она показывает, как репрезентирована и категориально структурно образована в языке семантика тех или иных тематических групп ономастической лексики.

Таким образом, ономастическая лексика служит для осмысления отраженных в сознании человека знаний о явлениях окружающей действительности. Данная лексика репрезентирует те элементы концептосферы, которые познаны и усвоены определенным языковым коллективом, живущим в той или иной местности, говорящим на том или ином языке, и которые востребованы в его жизнедеятельности.

В связи с этим можно считать, что ономастическая концептуализация являет собой двусторонний процесс. Во-первых, она связана с осмыслением сущностей именованного внешнего и собственного мира человека, мира действительности и мира виртуального. Во-вторых, она приводит к формированию ономастических концептов, которые выполняют в концептуальной системе двойную функцию: это единица

сознания и основа формирования ономастического знака. Данные концепты являются „отправными точками“, с помощью которых человек членит свои знания о субъектах и объектах окружающего мира на определенные категории. Из сказанного выше следуют важные положения.

Отражение комплекса знаний топонимического концепта характеризуется тем, что, во-первых, в самом топониме заложен семантический признак пространства; во-вторых, топоним всегда сопровождается географическим термином, называющим тип объекта, т. е. номинируемый объект оказывается поименованным дважды, в силу чего семантика топонима оказывается дополнительно обогащенной; в-третьих, семантика топонима всегда многослойна в силу исторических и культурных ценностей номинируемых объектов. Ср.: *площадь Лермонтова, улица Советская*.

Категоризация как познавательный процесс представляет собой не простое членение мира на категории разного уровня абстракции, а выделение срединного уровня как психологически более значимого, т. е. базового. Как отмечает Н.Н. Болдырев, категории не просто организованы в иерархические структуры от более общих (суперординатный уровень) к более частным (субординатный уровень). Они организованы таким образом, что „когнитивно более значимые, базовые категории сосредоточены в середине иерархии, и обобщение происходит вверх по отношению к базовому уровню, а детализация – вниз по отношению к базовым категориям“ [Болдырев 2006: 139].

Непосредственную важность для данного исследования имеет идея построения категорий и теоретическая разработка иерархической структуры концептуальной системы, а также выделение базовых категорий. Как признается когнитивной лингвистикой, базовый уровень категоризации характеризуется следующими признаками:

1. Базовый уровень является наивысшим представлением категории в виде ментального образа. Мы все можем представить себе реку, но у нас нет образа водоема. Даже если нам необходимо представить в виде образа категорию „водоем“, то мы делаем это при помощи представителя базовой категории: река, озеро, ручей, пруд, вода.

2. Именно на базовом уровне формируется гештальтное, нерасчлененное, восприятие объектов и явлений действительности, т. е. представление членов категории как единиц, обладающих формой: река, ручей или ключ имеют конкретную форму, между тем как вода формы не имеет.

3. На базовом уровне формируется наибольшее количество характеристик членов категории, т. е. большая часть наших знаний: мы знаем гораздо больше о конкретной реке, нежели о водоеме вообще.

4. На базовом уровне человек проявляет общую моторную программу, т. е. единую систему действий, для взаимодействия с объектом – рекой, но он не имеет программы для взаимодействия с обобщенным словом „водоем“.

5. На базовом уровне закрепляются наиболее частотные, простые и короткие базовые слова, контекстуально-нейтральные слова, которые еще с детства в первую очередь выучиваются и усваиваются детьми и входят в основу словарного запаса языка, раньше появляются в языке в процессе исторического развития.

Повторяемость онимов в пространстве и во времени, а также вариации их семантики в пределах различных разрядов онимов отражают процессы познания и языковой интерпретации окружающего мира в индивидуальном сознании говорящих и в коллективном сознании микросоциумов – членов одной семьи, жителей одной местности или одного населенного пункта. Онимы являются также средством хранения исторической информации, выраженной в разных хронологических состояниях языка в границах региона, особенностях языковой ситуации двуязычия, многоязычия или сложного диалектного континуума, или в отражении в онимах исторических событий или персонажей. Региональная специфика ономастикона на уровне статистики и систем предпочтений объективно существует.

Данные факты свидетельствуют о том, что *базовый уровень* является определяющим в структуре ономастической категоризации. На базовом уровне сосредоточивается наибольшая часть наших ономастических знаний и общепринятых именовании. Речь идет о том, что регулярно повторяющиеся стереотипные единицы, т. е. наиболее частотные топонимические единицы (названия улиц, площадей, переулков), сосредоточены в середине иерархии, являясь центральной в статистическом отношении областью городской топонимической системы.

На данном уровне достаточно легко и, как правило, безошибочно по фонеморфологическому облику определяются личные и фамильные имена, обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой. В качестве примера приведем имена в русскоязычной орфографии, которые в большинстве своем лежат в основе урбанонимов (названий улиц):

русские: *Иван, Николай, Петр; Иванов, Попов, Петров, Сидоров;*
украинцы: *Левко, Олеся, Марьяся; Щербак, Вознюк;*
белорусы: *Алесь, Алена; Алексиевич, Карпович;*
англичане: *Билл, Памела; Джонсон, Смит;*
немцы: *Ганс, Иоганна; Шмидт, Герман;*
французы: *Шарль, Люси; Бенуа, де Голь;*
итальянцы: *Роберто, Клаудиа; Родари, Мастрояни;*

китайцы: *Ли Инъин, Лю Шаоцы;*

корейцы: *Ли Сугван, Пак Чивон.*

В этом случае имена и фамилии людей содержат в себе информацию о том, какой национальности человек, в каком этническом социуме он родился.

Таким образом, категоризация ономастических единиц осуществляется на трех уровнях: базовом, суперординатном и субординатном. Суперординатный уровень передает знания общего порядка в виде категорий ЧЕЛОВЕК и ПРОСТРАНСТВО. На данном уровне проявляется дихотомический характер бинарной оппозиции „человек – не человек”, „пространство – не пространство”.

Возникновение и функционирование категории „человек” в мышлении и языке опирается всегда на тот факт, что человек является центральной фигурой, познающей окружающий мир и закрепляющей результаты этого познания в языковых единицах номинации – однословных или нескольких словных, первичных или вторичных, прямых или косвенных.

Базовый уровень является определяющим в структуре ономастической категоризации, на нем объективируются знания о традиционном (официальном) названии географической местности. Этот уровень содержит наибольшую часть наших топонимических знаний. На субординатном уровне сосредоточиваются устойчивые местные названия географических объектов. Если в условиях социальных конвенций мотивированность имени собственного считается нежелательной из-за коннотаций мотивирующей основы, то, например, прозвищные имена создаются как раз для того, чтобы точнее охарактеризовать человека теми языковыми средствами, которые поддерживаются языком повседневного общения.

На субординатном уровне сосредоточиваются те топонимы, для которых выделяемые признаки чаще всего сохраняют либо первичное название местности, либо его характерную отличительную черту. Местность может поменять свое официальное название, но долгое время оно сохраняется в памяти жителей.

Вот почему во многих городах России сегодня происходят переименования. Проблема возвращения первоначальных названий улиц стала актуальной и как совершенно естественное явление касается многих городов Российской Федерации. Например, в последние годы Тамбовская городская комиссия по топонимике неоднократно принимала решение о возвращении многим улицам областного центра их первоначальных названий. Ср.: появились улицы **Астраханская** (вместо Антонова-Овсенко, в честь революционера, который возглавлял борьбу с „антоновским” восстанием), **Пятницкая** (вместо Робеспьеровской,

в честь вождя Французской буржуазной демократической революции Робеспьера), **Студенецкая набережная** (вместо Катина и Кузнецова, в честь тамбовских социал-революционеров, убивших в 1905 г. вице-губернатора Богдановича), **Базарная** (вместо Сакко и Ванцетти, в честь итальянских коммунистов).

Сегодня мы остро осознаем, как необходима топонимическая реставрация – восстановление исторических имен собственных, за которыми стоит история своего города, области, края и страны. Топонимическая лексема отражает знания не столько лингвистические, сколько экстралингвистические. Осознание ономалексемы носителем языка раскрывает феномен топонимического городского текста, который так много может поведать о прошлом города. О чем может рассказать, например, улица **Носовская**, которая совсем недавно была улицей **Кооперативной**?

На первом городском плане г. Тамбова (1781 г.) улица Носовская не была обозначена, тогда ее еще не было. К началу XIX века город насчитывал всего более полутора десятка улиц. Улица Носовская была занесена в новый план 40-х гг. XIX века по фамилии тамбовского жителя – купца-мясоторговца Андрея Михайловича Носова (1814 г.р.), прошедшего путь милосердного служения людям.

Он был во главе создания тамбовской городской богадельни (1869 г.) для обездоленных, приютившей к 1914 году четыреста больных и старых людей. Для богадельни были построены четыре каменных корпуса, Лазаревская домовая церковь. Позже были открыты приюты для неизлечимо больных и странников, для мальчиков и девочек, бесплатная лечебница его имени. Созданная Носовым сеть социальных учреждений продолжала эффективно работать и после его смерти.

А.М. Носов учредил в городе одно из лучших в России ремесленное училище, в котором была кузница, литейный цех и столярная мастерская, с сетью приютов и школ; Андрей Михайлович построил на свои средства храмы и учредил Тамбовский Спасо-Преображенский монастырь.

За благотворительную деятельность А.М. Носов был награжден орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава III и II степени. В 1883 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина города Тамбова.

В 1914 г., когда общественность Тамбова отмечала 100-летие со дня рождения Носова, городская Дума приняла решение об установке ему памятника. В губернии был начат сбор пожертвований на сооружение мемориала, однако начавшаяся Первая мировая война помешала воплотить это решение в жизнь. По решению исполкома городского Совета от 18 июля 1923 года улица Носовская была переименована в улицу Кооперативную.

В целом же лексико-семантическая характеристика тамбовских городских микротопонимов свидетельствует о наличии и специфических ономастических единиц, и общих для русской топонимии в целом. Процесс появления узколокальных урбанонимов, придающих ономастическому пространству города Тамбова индивидуальные неповторимые черты, отражающие историю и культуру жителей Центрального Черноземья, в наши дни является весьма активным. Этот процесс, как думается, определяет перспективы языковой политики в сфере топонимики в России и служит примером такой политики для других российских регионов.

Между тем специфика языка современного российского города проявляется в том, что в ономастическую терминологию все активнее входят иноязычные ресурсы. Данный факт есть свидетельство освобождения сферы наименований объектов в постсоветское время от идеологического контроля.

Результат категоризации имен собственных, в частности имен собственных, отражающих семантику топонимических объектов и их физических свойств, выглядит следующим образом (см. таблицу).

Таблица
Категоризация городских урбанонимов

Категоризируемые сущности	Уровни
<i>Пространство</i>	<i>Суперординатный уровень</i>
Официальные названия топообъектов	<i>Базовый уровень</i>
Местные географические названия	<i>Субординатный уровень</i>

Литература

- А г е е в а Р.А., С о к о л о в а Т.П., *О московских эргонимах*, [в:] *Экология языка и речи: материалы международной научной конференции (17–18 октября 2011)*, отв. ред. А.С. Щербак, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
- Б о л д ы р е в Н.Н., *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций*. Изд. 4-е испр. и доп., Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014, 236 с.
- Г о р б а н е в с к и й В.М., *Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта*, [в:] *Ономастика и общество: язык и культура*, отв. ред. А.С. Щербак, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.

- К у б р я к о в а Е.С., *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*, Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- С у п е р а н с к а я А.В., С т а л т м а н е В.Э., П о д о л ь с к а я Н.В., С у л т а н о в А.Х., *Теория и методика ономастических исследований*, Москва: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Щ е р б а к А.С., *Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах*, „Вопросы когнитивной лингвистики” 2014, № 4, с. 18–22.
- Щ е р б а к А.С., *Когнитивные основы региональной ономастики: монография*, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
- Щ е р б а к А.С., *Способы репрезентации антропонимического концепта*, [в:] *Когнитивные исследования языка*, Вып XVII: *Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур*, гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. В.З. Демьянков, Москва–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014, с. 459–463.
- Щ е р б а к А.С., *Таксономическая классификация ономастических единиц как основа разработки проблем когнитивного аспекта ономастики*, [в:] *Когнитивные исследования языка*. Вып XIX: *Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира*, гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. В.З. Демьянков, Москва–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014, с. 131–136.

